ЕВРОПА 30.07.2019 | Татьяна Становая

Оппозиция вышла на новый этап борьбы

Как московские протесты изменят российскую власть и определят направление ее транзита

Российская внесистемная оппозиция вышла на новый этап борьбы за то, чтобы Кремль признал ее значимой частью политической реальности. Несколько лет она казалась маргинальной и недееспособной, но сейчас перехватила инициативу и навязывает собственную повестку. Кремль, похоже, не знает, что ему делать с антирежимной оппозицией, способной мобилизовать уличный ресурс. Нынешнее подавление акции 27 июля и новый виток уголовного преследования активистов – явная ставка на жесткий сценарий, возможно, попытка повторить опыт «болотного процесса» 2012 года.

До 2017 года внесистемная оппозиция не представляла для Кремля заметной проблемы. Самый известный ее представитель Алексей Навальный действовал в рамках заметных ограничителей – слабая социальная поддержка (накачанный российскими телеканалами образ прозападного уголовника), осторожное отношение к нему со стороны элит (страх перед авторитарным стилем лидерства), острая конкуренция в самом либеральном лагере (подозрения в связях с властью). Остальные активисты тем более казались несуществующими в масштабах федеральной политики.

Ситуацию усугубляло то, что Сергей Кириенко, в 2016 году ставший куратором внутренней политики, воспринимал внесистемных активистов не просто негативно, а пренебрежительно: он не признавал их политиками, фигурами, заслуживающими какое-либо место внутри системы.

Власть была надежно защищена от проникновения внесистемных элементов: муниципальный фильтр, сбор подписей, отказ в регистрации – все это вешало надежный замок на режимную крепость. Однако с 2017 года стало понятно, что в стенах есть две бреши. Первая – уличные акции, численность которых стала

важнейшим фактором. Вторая – муниципальные выборы, значимость которых для власти из-за муниципальной реформы резко снизилась, а значит, снизился и контроль, дав внесистемной оппозиции возможность попадать в муниципальные советы.

В сентябре 2017 года около двухсот оппозиционных кандидатов стали муниципальными депутатами в Москве – совершенно новое явление в российской политической жизни. Такую легитимацию внесистемных элементов власть проморгала, недооценив значимость муниципальной власти как платформы для автономной политической активности.

Победы на муниципальных выборах в сочетании со способностью выводить на улицы десятки тысяч человек стали превращать внесистемную оппозицию в системный фактор, значимость которого Кремль продолжает не признавать. И это главная причина конфликта, возникшего на выборах в Мосгордуму.

Сеть ответственности

Во власти сложился консенсус – внесистемную оппозицию нельзя допускать на выборы, а любые несанкционированные акции надо разгонять. Якобы Путин после успеха Навального на выборах мэра Москвы в 2013 году потребовал от Собянина и Володина заканчивать с подобными экспериментами. Тогда 27% Навального, безусловно, стали горьким уроком и предупреждением всем, кто допускал легитимацию внесистемной оппозиции.

На нынешних выборах в Мосгордуму вопрос о регистрации оппозиционеров не стоял в принципе. Лишь мэрия Москвы попыталась сделать ставку на отдельных гражданских активистов, но это было очень локально и в итоге неудачно – самый яркий участник этого эксперимента Нюта Федермессер раздумала баллотироваться.

Однако в тактических вопросах внутри власти сохраняются расхождения. Пускать ли на выборы либералов, которые близки к внесистемной оппозиции, но договороспособны? Разрешать ли оппозиционные митинги? Вести ли переговоры? Признавать ли ошибки при проверке подписей? Игнорировать или давить? Разгонять или сажать? И главный вопрос – кто несет ответственность за текущий конфликт и его последствия?

Сейчас проблему внесистемной оппозиции перебрасывают друг другу Кремль и московские власти, не очень понимая, чья именно это головная боль. Изначально администрация президента

согласилась с тем, что московскую кампанию отдадут под контроль мэрии, но при условии, что в Мосгордуме не будет внесистемной оппозиции и скандалов. Кремль хотел, чтобы кампания прошла спокойно и тихо, ведь любой политический конфликт в столице автоматически переходит в зону ответственности кремлевских кураторов.

Тихо, как известно, не получилось. Теперь администрация президента считает, что конфликта могло не быть, если бы все изначально было более централизованно и управляемо. Мэрия, в свою очередь, уверена, что сделала все по согласованному плану и к ней не должно быть претензий. К спору о том, кто виноват, присоединяются силовики, убежденные, что гражданские в целом заигрались в демократию, тогда как внесистемную оппозицию нужно было давно и жестко давить.

Наконец, сюда добавляются голоса из лагеря Вячеслава Володина, критикующие Собянина за провал московских выборов. Московский мэр давно числится в числе возможных кандидатов в премьер-министры, а значит, и возможные преемники Владимира Путина, поэтому неудивительно, что воспользоваться ситуацией пытаются те, кто хотел бы направить транзит в другое русло.

В нынешнем конфликте незарегистрированные кандидаты – не единственная жертва. Сергей Собянин оказался в центре жесткой кампании, направленной против него прежде всего в телеграм-каналах, где ему предрекают крах, чистки и чуть ли не уголовное преследование его команды. Версия, что нынешний скандал на выборах в Мосгордуму – запланированная антисобянинская провокация, имеет своих влиятельных поклонников.

Собянин как потенциальный преемник действительно может вызывать раздражение у многих: он слишком автономен и одинаково не свой для большинства значимых игроков. Сейчас он уязвим, и было бы странно, если бы этим не пользовались те, у кого другие планы на транзит власти.

Однако вряд ли происходящее в Москве – заговор против Собянина. Анонимная критика мэра в провластных телеграм-каналах, исходящая где-то от администрации президента, где-то от руководства Госдумы или даже силовиков, – лишь косвенное последствие кризиса, неудачного для власти в целом, а не его причина.

Силовики-кураторы

Такой разброд внутри власти – результат того, что из нынешнего кризиса нет легкого выхода. С одной стороны, ситуацию вряд ли получится разрядить без уступок. С другой – уступки тут могут состоять только в регистрации оппозиционных кандидатов, а это абсолютно неприемлемо для Кремля. Невозможность уступок обрекает власть не только на жесткое подавление протестов, но и на утрату инициативы гражданскими – она переходит в руки силовиков, чье предложение становится безальтернативным.

После акции 20 июля власть решила идти по жесткому сценарию. Акцию 27 июля подавили и разогнали, лидеры оппозиции арестованы. К ситуации подключается Служба по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ, сопровождающая дела о воспрепятствовании деятельности избирательных комиссий. Лидеры оппозиции вызываются на допросы, у них проводят обыски. Навальный арестован на 30 суток.

Последствия текущего противостояния могут вылиться в большой уголовный процесс, который будет напоминать масштабное преследование оппозиции в 2012 году. Разница, однако, в том, что к лету 2012 года протестное движение было на спаде, а власть консолидирована и устойчива. Сейчас же Россия вступила в период неопределенности, когда Кремль начал проигрывать выборы и утрачивать инициативу в определении федеральной повестки. Масштабное уголовное преследование в таком случае будет уже не запугивать, а подталкивать протест и расширять его социальную базу.

Инерционно функционирующий режим Владимира Путина не готов и не приспособлен к диалогу с внесистемной оппозицией, к признанию антипутинских сил политически легитимной силой. Проблема канализации протеста, да вообще его наличия не ставится в принципе, а действия незарегистрированных кандидатов часто квалифицируются неофициально как бандитские, а не политические.

В таком случае протест становится серьезным вызовом для системы. Ведь если кураторы внутренней политики не найдут политические инструменты для разрядки, за них вопросами внутренней политики займутся (а де-факто уже занялись) люди в погонах со свойственной им манерой купировать угрозы политической стабильности. Тогда жертвами преследования могут стать не только оппозиционеры, но и люди внутри власти, которых сочтут подозрительно мягкими в отношении врагов режима. Именно это в итоге и может определить направление и характер транзита власти в преддверии 2024 года.

Данная статья впервые вышла на сайте Московского Центра Карнеги и публикуется с разрешения правообладателя

Татьяна Становая

Татьяна Становая (Tatyana Stanovaya) — приглашенный эксперт программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги. Наряду с этим она продолжает руководить аналитической фирмой R.Politik. Reality of Russian Politics. Татьяна Становая также входит в научный совет аналитического центра «Обсерво» (L'Osservatore) при Франко-российской торгово-промышленной палате.